(продолжение, начало в «Витражи» 2018)

5

Васька сдал официанта-посудоглотателя и нескольких радивых «открывателей» памятника в клинику для придурков, в надежные руки врачей и медбрательников. Они, конечно, хотели заполучить и памятник, но Васька сослался на приблудного старьевщика, который сблатовал забронзовелого громилу сходить на примерку в контору по сбору утильсырья.

– Вот когда примерится на сколько баксов тянет его пальто, тогда и приведу. А то подлечите где не надо и выгоните потом наружу – в одном исподнем. Судись с вами... В сумасшедший дом упечете.

– Не упечем, – лгали потенциальному пациенту работники психического труда и их подмастерья из цеха заплечных дел мастеров. – Зря вы так о нас, профессия наша гуманная, правда, оболганная в советские времена всякими-разными диссидентами.

– «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана», – напомнил Васька популярный стишок семидесятых, рожденный под влиянием освобождения Владимира Буковского.
– Глупости! – выделился из группы медперсонала самый башковитый, в белой шапочке-домике, при очках, благородной седине и бородке клинышком. – Честь имею, профессор Вирусов.
– Васька Брыкин, артист, когда не автор и режиссер-постановщик
– А когда автор, тогда, следовательно, канаете под Есенина? Похулиганить хотите?
– Напротив! «В первый раз я запел про любовь. В первый раз отрекаюсь скандалить».
– И правильно поступаете. Мы не специализируемся на хулиганах. Мы – большей частью – по контактерам.
– Не тем ли пентюхам, что с инопланетянами якшаются?
– В курсе?
– Эко диво! Я как раз оттуда, где этот предмет не в психиатричке изучают.
– Да неужто? Не поделитесь ли опытом? – задрожал от возбуждения профессор от психиатрии, с вожделением потирая ручки.
– Записывайте! Данные запротоколированные, проверенные «от» и «до». Правда, засекреченые. Но вам доверяю. Не разгласите. А разгласите – сами попадете в сумасшедший дом, но уже не на работу.
– Ну? – теребил Ваську профессор Вирусов. – Записываю, – вынул шариковую ручку из накладного кармана халата, и на обложке папочки, протянутой медбрательником, вывел: «История болезни». – Слушаю, молодой человек.
– Главная ошибка всех контактеров да и вообще всех прочих в том, что они думают, будто инопланетяне только сейчас, с развитием нашей техники, стали выходить на прямой контакт с нами, полагая, что мы созрели до восприятия их чужеродных физиономий и укороченных до младенческого роста зелененьких фигур, – заученно начал Васька делиться «Шарашкиной» информацией, предназначенной для служебного пользования.
– А на самом деле? – доверительно поинтересовался профессор.
– На самом деле все иначе. Инопланетяне не дураки. С незапамятных времен они приставили к нам своих наблюдателей – соглядатаев. А мы, пентюхи, настолько с ними свыклись, что считаем их детьми Земли.
– И кто же это? Позвольте узнать.
– Кошки. Они и есть, еще со времен постройки пирамид в древнем Египте, самые настоящие инопланетяне, на контакт с которыми мы мечтаем выйти. Недаром, их никто окончательно не приручил. И они ходят сами по себе. И контачат по ночам на крышах самостоятельно. Вместо нас. С неземными мирами, хвост задрав до небес, как антенну.
– Не убедительно.
– Тогда другой клинический случай.
– Тоже запротоколированный?

– Тоже.
– И с грифом – «совершенно секретно»?
– В нашей «Шарашке» иначе и не бывает.
– Любопытно, как это вы попали в такую «Шарашку», что ей все про всех известно, а нам про нее – никому?
– Дело житейское. Просто, в 1982 году, когда Тель-Авив пошел войной на террористов в Ливане, еврейское начало во мне вызвалось добровольцем в израильскую армию, татарское воспротивилось, а русское донесло. В результате всем троим дали за компанию по ребрам и посадили за намерения.
– Какие?
– Перехода границы в самой узкой ее части.
– А где эта, самая узкая часть расположена, позвольте спросить?
– Там же, где и весь вселенский простор. В мозгу.
– Любопытно, любопытно. А вы, случайно, не Коперник? Не Джордано Бруно? Не Галилей? Вы не чувствуете позыва воскликнуть, допустим, перед судом инквизиции: «А все-таки она вертится!»?
– Не вертится, а крутится. Как вошь на гребешке.
– Новое слово в науке? Небось, в астрофизике?
– В астробиологии. У вас ведь на повестке дня контактеры и космические засланцы. Я не ошибся?
– «Повестка дня» – это уже серьезно. Я вас слушаю.
– Космический пришелец номер один... Раковая опухоль! Засылается к нам из гуманитарных соображений – для контакта с человеком. Но когда созревает по возрасту для общения, клиенту уже до лампочки братья по разуму – клиент о Боге думает.
– Он не брат?
– По разуму вряд ли, если наша основная проблема до сих пор – дураки и дороги.
Профессор Вирусов посмотрел на мордорезов – медбрательников, бывших чемпионов по тяжелой атлетике Гошу и Кешу, на кокетливую медсестричку Дуняшу, с ямочками на оголенных коленях, куда хотелось влить граммульку забористой, когда она садилась на колени к нему, и воочию убедился: Бог им не брат – ни по разуму, ни по представлениям о нем.
– Умно, – сказал Ваське, сконфужено пошмыгав носом. – Но позвольте мне, как человеку с высшим медицинским образованием, все же усомниться в гуманитарном предназначении раковой опухоли и не поверить вашим аргументам.
– Почему же тогда, уважаемый придурками доктор, предлагаете верить вашим заверениям, в отношении хулиганов?
– Не специализируемся, время их вышло.
– А если проверить?
– Проверяйте.
– А ведь и пойду!

– Идите-идите, мил-человек. Адрес известный. Прямо по коридору, и налево. Дверь – с войлочной обивкой. Сама открывается. Сама закрывается. Вход бесплатный. Смотрите-любуйтесь: шестая палата. За показ деньги не берем.
– И никаких медицинских тайн?
– Никаких!
– Даже советских?
– Советские уже вывезли за рубеж.
– Диссиденты?
– Они самые, не олигархи! Олигархи в башлях не нуждаются. А эти... Государственные тайны продали Янкам-дудл, в ФБР и ЦРУ. Ну, а те во весь карьер наши разработки теперь по живому испытывают. На пленных иракцах, либо талибах. Испытуемые совсем озверели, а испытатели не нахвалятся.
– А мы?
– Мы их теперь, в свою очередь, разоблачаем. По телевизору и в газетах. Пресса-то ныне у нас свободная!
– В сумасшедшем доме?
– И в сумасшедшем! Мы ведь не дурнее других. Даром что дефолтом стукнутые.
– Тогда пора скинуться!
– На что?
– А вы – что? Прессу не читаете?
– У нас своя.
– Вечная история. У вас своя. У них своя. В каждом сумасшедшем доме своя пресса. Вы даже и не знаете, что у соседей происходит.
– А что? Уже выпускают?
– Меня, видите, выпустили.
– Видим. А зачем – не поймем.
– На поиски спонсора.
– Ну-у...
– А если всерьез, то складчина у нас намечается. На поминки Абдуливана Петровича.
– А-а-а. А кто он такой будет для нашей науки психиатрии?
– Директор соседнего сумасшедшего дома. И врач – ори-ен-то-лог.
– Из тех, кто хорошо ориентируется на местности и в политической обстановке? Или из тех, кто хорошо ориентируется в птицах, из орнитологов, как принято их называть на научном совете.
– Из тех самых. Но он не перелетной тварью занимался, а той, что в хозяйстве пригодится и меню украшает – курицей, уткой, индюком, пока не заразился на сытый желудок и не сдох от ихней заразы.
– Птичья гриппоза... По вашей версии, небось, она тоже инопланетного происхождения?
– Гриппер – наш, волчьей хватки, со знаком качества.
– И нет против хватки такой никакого приема?

– Это против лома нет приема. А против гриппера прием известный.
– Какой?
– Прием во внутрь.
– Рецепт целебной настойки не подскажете?
– А то! На литровку водки полголовки чеснока, пяток лавровых листков и семь капель йода из чистой пипетки. Все это размешать, и по стакану три раза в день.
– Почему – три раза, а не четыре, например? Дабы не навредить?
– А чем опохмеляться наутро?
– Разумно. Значит так, записываю. «Три стакана в день, а наутро...»
– Наутро, с опохмелу, можно валить в Копенгаген, за Нобелевкой.
– Не опробовав снадобье на людях? Проведя эксперимент лишь на себе?
– Баксы есть?
– Что?
– Баксы – для закупки ингредиентов, черт их побери, не выговорить!
– Ну... с этого бы и начинал. Баксуй-буксуй, мил-человек, где – поденежней. Мы тебе не помощники. Нам – на обход пациентов.
– И я с вами. Ради науки. Вскладчину насобираем на ингредиенты, эксперименты проведем на себе, Нобелевку получим, обмоем ее чин-чинарем и, глядишь, опять сообразим – не психи какие, гомосапиенсы разумные-прямоходящие. Мы ведь как живем? По понятиям. Сами отраву намастырим, сами создаем для нее противоядие. Иначе – никак, иначе – не люди, а инопланетяне припертые.
– Какие из нас инопланетяне, когда мы национальным духом пропитаны?
– Ну, это уже из сказок – «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!» – засомневался Васька, вспомнив, что он русский только на треть, правда, главенствующую – в паспорте.
– Позвольте-позвольте. А национальная идея?
– На нынешнем этапе не сформирована.
– А если помозговать? Вспомним о княжестве Московском – собирателе Руси. Об атамане Ермаке, присоединителе Сибири. О поэте Лермонтове, героическом участнике Кавказских войн. О живых носителях русской идеи.
– Объединительной?
– Разумеется, объединительной для разных народов, населяющих нашу огромную Родину.
– Так тут и вспоминать нечего! – загорелся Васька Брыкин. – В кого пальцем не тыкнешь, он и есть природный носитель этой объединительной национальной идеи. Я, например, самый доступный для вас на данный момент представитель объединительной национальной идеи. Папа - Ясак Анатольевич – по маме татарин, по отцу русский, мама – Розалия Моисеевна – вся целиком «аидыше маме». Так что принимайте, дорогой мой человек от науки психиатрии, живая национальная идея в натуре!
– Физически, может, и так. Большевики постарались, смешали все нации. Но духовно...

– Духовно еще проще. Татарин во мне, предположим, водку и на дух не переносит, русский, наоборот, душу ею согревает, а еврей, когда с похмелья трещит голова, держит за них, размордованных в ресторане, ответ перед начальством и попутно доказывает: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!»
– А в синагогу твой еврей их не потащит?
– Какая синагога? Евреям миссионерство запрещено. Да к тому же я еврей номинально, даже не по паспорту.
– Из потерянных колен Израиля, выходит?
– Меж!.. И нечего кивать, как всегда, на один лишь Израиль.
– Не понял...
– Чего не понять? Меж потерянных я колен. И русских, и татарских, не только еврейских. Все потеряны, а я найден. И где? Меж! Родители постарались – отыскали, да и советская власть помогла. Как тут не принять за помин души Абдуливана Петровича? Тоже русский человек смешанной национальности. Как «ерш», если на алкогольный манер определять человека.
– Ладно, уговорил, – вздохнул профессор Вирусов, смахивая из-под раскосых, подобно глазам, очков непрошеную слезинку.
– Заодно и пострадаем за науку.
– Ага! По сколь скидываемся? Мелочишку так и быть, отсыплем на развод, дальше, милок, сам соображай. А то шизики заждались братьев по разуму. Так что дуй к ним, браток, только хвост держи трубой, иначе на контакт не выйдут. Васька и дунул, раз позволили.
В психолечебнице кипела жизнь, но Васька, прикидываясь посланцем инопланетного разума, напоминал о вечном успокоении в космосе, когда до звезды подать рукой, даже если ее и нет в наличии, так как в наличии присутствует только дух, да и тот Божий. А тем, кто сомневался в его небесном происхождении – студентам, не способным без шпаргалки рассуждать здраво, – он представлялся аспирантом-общественником из соседнего лечебного заведения, той же, если говорить о складчике, профессиональной направленности – на выпить и закусить. И деловито заимствовал на помин души Абдуливана Петровича расхожую мелочовку, недостающую для закупки ингредиентов на целительное снадобье.
Притягательное слово «поминки» действовало безотказно. И на впечатлительных эскулапов, с кем поговорить о белой горячке можно и вне психушки, скажем, на кухне за рюмкой водки. И на их малоумных пациентов, помнящих с детства из Маяковского: «класс, он тоже выпить не дурак». (А кому в сумасшедшем доме климатит выглядеть дураком?)
Опуская звонкую монету в заимствованную Васькой в дежурке наволочку, каждый жертвователь невольно задумывался: «Почему бы и впрямь не поразвлечься на поминках? А то совсем скисли. Позабудешь за психами, как рвануть под баян да вприсядочку! Сплошь да рядом дискотеки, музыка «под фанеру», певцы «под фанеру», а нет, чтобы – «выткался на озере алый свет

зари» или «только слышно – на улице где-то одинокая бродит гармонь». Или еще чего в стихах да с мелодией.
Под рукой ни у медиков, ни у придурков стихов не было. Не было под рукой и достойной для заимствования мелодии. Поэтому «Объявление о явке» они доверили написать провозвестнику инопланетного правописания Ваське Брыкину. Он и написал. Красным фломастером на ватмане. Правда, не в рифму и без музыкального сопровождения. Зато четко и ясно. На языке, доступном даже клиническому идиоту. С указанием точного адреса и с деловой припиской: «Местком с ограниченной ответственностью».
Васька прикнопил «Объявление о явке» в приемном покое на входной двери, и для пущей важности вывел жирными буквами внизу: «Дебилов с собой не приводить! Напьются-подерутся – милицию вызовут. А там потом не разберешься, кто просто больной на голову, а кто оборотень в погонах».